

Источник: «Иль жить, или не жить, теперь решиться должно». Перев. [М. И. Плещеева]. — Опыт трудов Вольного Российского собрания, ч. II. М., 1775, с. 257–261.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bm@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

Письмо Англомана
къ одному изъ членовъ Вольнаго
Россійскаго Собранія

Государь мой * * *!

Надобно чувствовать чрезвычайныя дарованія, или быть чрезвычайно смѣлу, чтобъ переводить Шакеспира, особливо знаменитыя тѣ мѣста его сочиненій, въ коихъ сила воображенія, мыслей и выраженій, нѣчто отмѣнное и превосходное въ себѣ имѣютъ; однако я не имѣя тѣхъ качествъ, какія для такого предпріятія нужны, а будучи единственно влюбленъ въ нѣкоторыя мѣста Шакеспировыхъ твореній, дерзнулъ перевести одни изъ его стиховъ, кои столь извѣстны, что всякой, кто читать умѣетъ, ихъ наизусть знаетъ, а именно, славный Гамлетовъ Монологъ. Къ сему подалъ мнѣ примѣръ, и ободрилъ меня въ намѣреніи, одинъ живописецъ, котораго я зналъ въ Неаполѣ. Онъ былъ весьма посредственный художникъ, не зналъ ни рисунка, ни состава красокъ, и еще меньше имѣлъ тѣ тѣни, которыя въ Тиціановыхъ картинахъ даютъ предметамъ живость, нѣжность и прозрачность. Но онъ, влюбясь въ его Данаю, осмѣлился ея списать, и изображая съ точнѣйшею вѣрностію, черты, тѣни и свѣтъ сей картины, сдѣлалъ такую копию, что всѣ ея имѣть хотѣли, не смотря на ея недостатки, особливо тѣ, кои оригинала не видали, и объ ономъ только способомъ эстамповъ понятіе имѣли. Я нашелъ, что ежели я, подражая сему живописцу, стану стараться вникнуть въ смыслъ Шакеспировъ, и его съ точностію изобразить, то я буду въ состояніи сдѣлать нѣсколько подобное дѣло копии Данаи, и показать услугу тѣмъ, кои объ образѣ сочиненія, о сопряженіи мыслей и о смѣлой вольности сего отмѣннаго писателя слабое понятіе имѣть хотятъ. Я не остановился, вспомя, что Г. Волтеръ сей Монологъ перевелъ. Не всѣ Россіяне знаютъ Французскій языкъ: къ тому жъ сравнивъ сей переводъ съ оригиналомъ, я увидѣлъ, что Г. Волтеръ больше боролся съ Шакеспиромъ, нежели его переводилъ, и что ежели бы кто нибудь его переводъ на Аглинскій языкъ обратно перевелъ, тобъ никто не узналъ, что это Шакеспирово сочиненіе. Я еще нашелъ, что

говорить на Французскомъ языкѣ такъ, какъ Шакеспиръ говорилъ на Англинскомъ, почти невозможно, а на Рускомъ можно ему по крайней мѣрѣ подражать, и когда не силу и не красу его, то духъ его сохранить. Я одно только встрѣтилъ затрудненіе, которое однако больше отъ свойства нашего воображенія, нежели отъ свойства нашего языка происходитъ. Мы даемъ больше узъ слогу нашему, нежели сходно съ вольностію нашего языка. Кажется, что метафорическія тѣ выраженія, кои слогъ и оживляютъ и украшаютъ, не довольно нами приняты; и ежели я не обманываюсь, то я примѣтилъ, что и въ тѣхъ изъ нашихъ писателей, кои самое живое и горячее воображеніе имѣли, неодушевленные вещи меньше оживотворены, и умственные бытія рѣже подъ чувственнымъ видомъ изображаются, нежели въ чужестранныхъ писателяхъ, а особливо въ Англинскихъ. Сіи, можетъ быть, даютъ воображенію своему и лишнюю вольность; но мнѣ кажется, что самая сія погрѣшность есть источникъ тѣхъ красотъ, коими ихъ сочиненія столь изобильны. Я не знаю, до коихъ поръ мы имъ подражать можемъ. Сіе никому столько неизвѣстно, какъ Вамъ, и никто столько не въ состояніи подать примѣръ тѣхъ вольностей, кои нашъ языкъ столь же свободнымъ сдѣлають, сколько онъ изобиленъ, тѣмъ богатство его умножать. Я увѣренъ, что сіе составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ, кои Вольное Россійское Общество, котораго Вы Членъ, имѣетъ, и которому я, естли Вы намѣреніе мое одобрите слабый переводъ Гамлетова Монолога посвящаю.

Имѣю честь быть

покорный Вашъ слуга
Англоманъ.

Переподъ Монолога.

Гамлетъ.

Иль жить, или не жить, теперь рѣшиться должно.
Что есть достойнѣ великія души:
Фортуны ль злой сносить жестокіе удары,
Или вооружась противъ стремленья бѣдъ,
Конецъ ихъ ускорить, окончить жизнь, уснуть,
И тѣмъ всю скорбь пресѣчь, котора смертныхъ доля?
Сей сродно всѣмъ конецъ съ усердіемъ желать:
Окончить жизнь, уснуть, и тѣмъ покоить духъ.
Уснуть! но естли сны представляются тогда?
Вотъ въ чемъ препятствіе, вотъ что останавливаетъ!
Не знаемъ въ смертномъ семъ что будемъ видѣть снѣ,

Отъ шумнаго сего сокрывшися жилища.
Намъ неизвѣстность тутъ велитъ остановиться,
И злополучія предѣль распространяеть.
Ктобъ инако сталъ несть жестокости судьбы,
Гонителеву злость и гордаго надменность,
Несчастливой любви мученіе несносно,
Медлительность суда, презрѣніе судей,
И все, чѣмъ скромная гонима добродѣтель:
Когда кинжаломъ зло мы можемъ прекратить?
Ктобъ сталъ страдать, стонать отъ тягостныя жизни,
Когда бы видѣ страны, гдѣ мы по смерти будемъ,
Изъ коей никогда никто не возвращался,
Объемля ужасомъ нашъ духъ не устрашалъ?
Кто бы охотно сталъ несчастьемъ подвергаться,
Прибѣгнуть не боясь къ тому, что не извѣстно?
Вотъ совѣсть какову боязнь вселяетъ въ насъ,
И здоровое лице, что твердость намъ даетъ,
Печальной блѣдностью, уныньемъ, покрываетъ!
Вотъ мысли важныя какъ слѣдуя теченью,
Теряя силу всю, безъ дѣйства исчезаютъ!